

Kovalev, Valentin Archipovič

О периодизации истории русской советской литературы

In: *Literatura, umění a revoluce : sborník vědeckého symposia věnovaného osmdesátému výročí narození V.V. Majakovského a čtyřicátému výročí úmrtí A.V. Lunačarského*, Brno 30. října - 2. listopadu 1973. Burian, Jaroslav (editor); Mikulášek, Miroslav (editor). Vyd. 1. V Brně: Universita J.E. Purkyně, 1976, pp. 41-52

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121277>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

В. А. КОВАЛЕВ (ЛЕНИНГРАД)

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В основе периодизации лежит то или иное понимание литературного процесса. Оно может быть сугубо элементарным и эмпиричным, и тогда возникают, например, представления о попеременном чередовании периодов „расцвета“ и „упадка“, извечном антагонизме поколений (отцы и дети) и т. д.; порою в основу кладется, по словам А. И. Белецкого, „голый хронологический принцип“¹⁾ периодизации по векам, царствованиям, десятилетиям. Однако подлинно научный подход к членению литературного процесса на временные отрезки может основываться лишь на определенных теоретических представлениях о закономерностях развития литературы. Возможны, как отмечает Б. Г. Реизов, два вида решений: одно основывается на признаке „собственно литературном“, другое — на признаке историческом.

„Деление по собственному литературному признаку обычно сводится к делению по направлениям“²⁾ — констатирует Б. Реизов. Так, напр., в литературном процессе XVII—XIX в. намечают периоды барокко, классицизма, романтизма, реализма, натурализма, модернизма. Реизов убедительно критикует такой подход, при котором не принимаются во внимание, во-первых, сосуществование в рамках любого периода различных, зачастую противоборствующих направлений, во-вторых, не берется в расчет деятельность крупных писателей, которые, как правило, не могут быть включены ни в одно из этих направлений.

С точки зрения Реизова, научная периодизация литературного процесса возможна лишь на основе „исторического признака“: „Смена периодов и эпох есть историческая закономерность, и периоды и эпохи определяют не только жизнь народов, но и их мысль и их творчество. Каждая эпоха разрешает какую-либо большую задачу, поставленную перед ней историей. Вместе с эпохой разрешает эту задачу и литература... От того, как решается основная проблема эпохи, зависят различные тенденции литературы, ее направления, школы, группировки“³⁾ При этом в полной мере учитывается, подчеркивает Реизов, „литературный признак“, т. е. литературные традиции, литературные направления,

которые находят в новую эпоху свое особое преломление или модификацию, расцветают или умирают, включаясь в общую духовную и идеологическую жизнь нации и государства, многогранно оригинально выражая и творя общественное создание эпохи, отражая диалектику классового расслоения и классовой борьбы времени.

В свете такого взгляда, разделяемого многими современными исследователями, этапы литературного развития соотносятся с большими событиями и рубежами в жизни общества, с процессами классовой борьбы, с социально-историческим развитием государства.

Однако само по себе признание „исторического признака“ (я бы назвал его социально-историческим) еще не устраняет ряда трудностей при решении вопросов литературной периодизации. Не говоря уж о том, что существуют различные представления о сущности и границах исторических эпох, даже у единомышленников могут возникнуть несомпадающие суждения о членении и связи времен вследствие различных акцентов на тех или иных сторонах исторического процесса, различия углов зрения на соотношение конкретных фактов истории с литературным развитием.

Литературная периодизация легче совмещается с исторической, когда берутся большие временные отрезки: но по мере того как эти отрезки уменьшаются, это совмещение делается все труднее. Сказывается действие специфических литературных закономерностей, отнюдь не повторяющих полностью всех „извилил“ и темпов исторического движения. Выступает громадная роль традиций в искусстве, которые не могут быть в какой-то момент так решительно изменены, как это случается в развитии общества.

Вопрос о периодизации связан с вопросом о существовании разнообразных идейно-художественных тенденций и течений, которые, как и все в мире, имеют свое начало и конец, свою пору обогащения и пору увядания, которые, родившись как продолжение предшествующих литературных явлений, сами в свою очередь порождают новые тенденции, подготавливают возникновение качественно новых явлений. Среди этих течений и тенденций есть главные, устойчивые, порожденные серьезными причинами и имеющие серьезное эстетическое значение; наряду с ними существуют крик моды, внешнее новаторство, ориентация на невзыскательные обывательские вкусы и т. п. Словом, важны не только границы того или иного периода, но и его наполнение, верное выделение в его рамках ведущих, главных явлений и тенденций в развитии литературы.

Важен и вопрос о соотношении общелитературной периодизации творчества крупнейших писателей — „долгожителей“, произведения которых появлялись на протяжении ряда десятилетий, в разные исторические эпохи, чье творчество, так сказать, не вмещалось в рамки одной исторической эпохи. Крупный писатель, развиваясь органически, может

„сохранить верность“ традициям периода расцвета своего дарования и остается не столь оперативно отзывчивым на зоны последующих лет, живым свидетелем которых он является, и как бы внешне „выпадать“ из закономерностей текущей литературы. Наличие таких явлений, естественно, усложняет проблему литературной периодизации.

После этих предварительных замечаний я хочу перейти к рассмотрению наиболее существенных, с моей точки зрения, проблем периодизации литературы советской эпохи, имеющей ясную и четкую начальную точку отсчета — 1917 год.

* * *

Обычным, ставшим уже традиционным, является довольно дробное членение истории русской советской литературы на следующие отрезки: гражданская война, восстановительный период (или: 20-е годы), период социалистической реконструкции в годы предвоенных пятилеток (или: 30-е годы), Великая Отечественная война, послевоенный период с подразделением его на два этапа, отграниченных один от другого временем начала критики культа личности (1945—1953/1956, 1953/1956 — по настоящее время); современный момент принято обозначать понятием „Литература на современном этапе“, причем границы этого этапа колеблются от 2-х—4-х лет до целого десятилетия.

Оценивая эту периодизацию, прежде всего отметим, что в основу ее положен общественно-исторический признак: дважды кладется в основу принцип отражения событий военных лет — гражданской войны и Великой Отечественной войны — и дважды — этапы социально-экономического развития страны в переходный период от капитализма к социализму. Последний, пятый, обозначается менее определенно — как период „послевоенный“.

Что же касается внутреннего подразделения послевоенных лет на два этапа, то оно вряд ли может быть оправдано с научной точки зрения, так как исходит из гиперболизации роли личности в истории.

Недостаток этой распространенной периодизации состоит также в том, что она никак не соотнесена со специфическими закономерностями и этапами движения самой литературы. Литература просто повторяет этапы исторического движения, следует за ним.

Нужно прежде всего уточнить сам „исторический признак“. Богатый исторический опыт, накопленный партией и народом за более чем полувековое существование страны социализма, позволил четче прояснить ретроспективу и перспективу социально-исторического развития советского государства, увидеть конкретные стадии и фазы становления новой общественной формации — коммунизма. Современные основы научной исторической периодизации находим в партийных документах

последних лет, посвященных 50-летию Октября, 100-летию со дня рождения Ленина, 50-летию образования Советского Союза, в материалах и решениях XXIV съезда КПСС.

История СССР — это история строительства коммунизма после победы Октябрьской социалистической революции. Классики марксизма-ленинизма предвидели две фазы коммунистической общественной формации — социализм и коммунизм, причем Ленин указывал на то, что со временем различие между первой и второй фазой будет громадным.

Современная историческая наука выделяет следующие этапы и рубежи развития страны после победы Октября: „(1) переходный период, завершающийся созданием основ социализма, победой социалистических производственных отношений; (2) развитие социализма на собственной основе, на фундаменте социалистических производственных отношений, обеспечивающее построение развитого социалистического общества; (3) этап создания материально-технической базы коммунизма, который предполагает использование всех потенций развитого социализма, означает процесс постепенного перерастания социализма в коммунизм“.⁴⁾

Первый этап охватывает примерно первое десятилетие революции (20—30-е годы), второй — последующие 30-летие (40—60-е годы). Последний, третий этап берет начало на грани 60-х и 70-х годов; конечный его рубеж определится в будущем.

Эта историческая периодизация позволяет более конкретно представить себе основные стадии первой фазы коммунизма, выделить основные исторические периоды в истории страны, поистине заслуживающие наименования исторических эпох, так как они имеют свою социально-историческую специфику и обладают цельностью и завершенностью. В то же время эти периоды осмысливаются как звенья единой цепи, как стадии единого процесса преобразования общественных отношений, общественного сознания и качества личности, процесс целенаправленного движения к победе коммунизма.

Эти большие исторические эпохи и являются тем базисом, на котором зиждятся надстройки больших литературных эпох.

Итак, две больших эпохи ясно вычлениются в истории советской литературы 20—60-х годов. Им пока что еще нет названия. Они могут быть приблизительно определены как „Литература периода борьбы за победу социализма“ (1917—1941 гг.) и „Литература периода построения развитого социалистического общества“ (40-е—60-е годы). В рамках стадияльного развития советского общества, его культуры и литературы дважды вторгаются военные годы, когда все силы общества, все виды духовного оружия, в том числе литературы, направлялись на достижение военного разгрома врагов революции, врагов социалистического отечества. Тем самым внутри этих двух эпох обособляются этапы литературного развития, которые можно назвать: „Литература периода гражданской войны“ и „Литература периода Великой Отечественной войны“.

Следовательно, учет стадийного социального развития сочетается здесь с учетом крупнейших поворотных событий военной истории. Обстоятельства военных лет не изменяли характера исторического движения, но тем не менее оказывали огромное влияние на его темпы и наполняли его отчасти новым содержанием. Опыт военных лет не пропал даром и органически входил в последующую историю советского общества.

Литературная периодизация, построенная на этой исторической основе, учитывает основные этапы и закономерности развития советского общества, крупнейшие события эпохи и позволяет отчетливо указать качественные особенности литературы на каждом этапе, последовательно проследить связь времен, единство литературного процесса.

Общие особенности каждой из этих литературных эпох можно было бы кратко охарактеризовать так: к 20—30-м годам относятся становление метода социалистического реализма как основного метода национальных литератур народов СССР и разработка теории социалистического реализма; в то время происходит консолидация советских писателей и национальных литератур на единой мировоззренческой и творческой платформе; литература овладевает современной и исторической темами во всем их объеме и разнообразии, создается основной классический фонд литературы социалистического общества, закладываются важнейшие художественные традиции и выявляются главные ведущие идейно-художественные тенденции искусства нового мира. Последнее положение очень важно, оно отвергает утверждения, будто бы все главные традиции заложены уже в 20-е годы; без учета появившихся и завершенных романов — эпопей Шолохова и А. Толстого, без романов Леонова, Макаренко, Н. Островского, драматургических произведений Погодина, Корнейчука, Афиногенова, стихотворений и поэмы Твардовского, Тихонова, ряда произведений писателей украинских, белорусских, грузинских, армянских и других, представление о сущности и богатстве социалистического реализма, об основных чертах советской литературы будет неполным и даже односторонним.

Какие эпохальные задачи решала литература вместе с обществом, с народом, с партией в этот период? Она вела борьбу со старым миром, его традициями и пережитками, боролась за развитие ростков нового, коммунистического, выражала пафос утверждения основ нового общества, формирующейся нравственности социалистической личности, стремилась заглянуть в будущее, воспитывала людей в духе динамичного „пересоздания действительности“ в духе коммунистических идеалов. „Смысл нашей социалистической работы, — говорил А. В. Луначарский в 20-е годы, — заключается в построении такой жизни, которая дала бы возможность развернуть все таящиеся в человеке возможности, которая сделала бы человека в десятки раз умнее, счастливее, красивее и богаче, чем нынче.“⁵⁾ Эта цель наполняла советскую литературу гума-

нистическим содержанием, и в качестве центральной задачи литературы выдвигались воспитание новой личности, формирование ее идейно-нравственных основ, углубленное самопознание, анализ жизни общества и человека, событий времени и всего того, что может интересовать современника — человека марксистско-ленинского мировоззрения, с присутствием ему широтой горизонтов, остротой восприятия действительности, остротой реакции на все, происходящее в мире.

В 40—60-е годы литература развивается на основах теоретически и творчески разработанного нового художественного метода, происходит обогащение его историческим опытом народа и партии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные десятилетия социалистического строительства, в частности в процессе преодоления догматизма и восстановления в полной мере ленинских норм партийной и государственной жизни, так и в дальнейшем критики субъективизма, подменявшего научный подход к решению проблем советского общества необоснованными импровизациями, непродуманными реформами. В период развитого социализма классовый характер партии не утрачивается; возрастает роль коммунистической нравственности, формирующейся на основе органического „сплава“, соединения прогрессивных и революционных традиций народа с нравственными нормами социализма, с пролетарской интернационалистской идеологией; на первый план выступает задача воспитания нового, всесторонне развитого человека. Акцентируется воспитательная роль литературы.⁶⁾ Возросшая роль СССР в международной жизни, укрепление сил социалистического содружества, интересы всеобщего мира ведут к расширению социально-экономических и культурных связей с зарубежным миром, к учащению „диалогов“ советских людей с людьми буржуазного Запада и Востока. В этих условиях важны, как и прежде, четкость идейно-классовых позиций, последовательность и решительность в отстаивании их, в критике буржуазно-империалистической идеологии и ее отражений в области науки и искусства. Возрастает роль советской литературы и искусства как во внутренней жизни советского общества, так и на международной арене.

В литературе послевоенных десятилетий постепенно нарастают качественные изменения как в самом подходе к социальнозначимым проблемам социалистического общества, так и в решении самих проблем художественной изобразительности, способов правдивой передачи логики событий, закономерностей бытия, приемов фокусировки жизненной правды, форм типизации, расширения диапазона словесно-образных средств литературы.

Разумеется, не исключается и дальнейшее, более подробное членение больших периодов, обоснованное стремлением исследователей рассмотреть в подробностях отдельные моменты и стороны исторических этапов и, соответственно, этапов развития литературы.

Значит ли это, что все без исключения тенденции развития литера-

туры, ее литературные направления и течения, эволюция жанров и поэтических родов должны строго совмещаться с важнейшими вехами истории, ее важнейшими этапами? Нет. У литературы есть свои специфические идейно-художественные тенденции развития. Так, например, возникновение и развитие могучей эпической тенденции, порождающей на одном из гребней своего развития шолоховскую эпопею *Тихий Дон*, не может быть сколько-нибудь полно рассмотрено только в пределах 20—30-х годов, без учета опыта литературы всех десятилетий, в том числе и современного этапа (*Истоки Г. К о н о в а л о в а, Судьба П. П р о с к у р и н а* и др.). Исследователь этой темы пойдет „поверх барьеров“, охватывая большой временной отрезок, в данном случае несколько стадий социалистического строительства.

Большое разнообразие в членение литературного процесса вносит жанровой подход исследователя.

Периоды интенсивного развития различных поэтических родов и жанров не совпадают друг с другом, и поэтому при жанровом подходе к характеристике литературного процесса возможны различные несовпадающие границы периодов. Так, например, историю романа 40-х годов, видимо, следует начинать с последнего года Великой Отечественной войны (1945 г.), когда появилась *Молодая гвардия* А. Ф а д е е в а; историю же драмы этой поры — с 1942 года, когда были опубликованы *Нашествие* Л. Л е о н о в а, *Фронт* А. К о р н е й ч у к а и *Русские люди* К. С и м о н о в а; историю лирической прозы — с конца 50-х годов, со времени появления известных циклов О. Б е р г г о л ь ц и В. С о л о у х и н а. Отражая в своем развитии эпохальные задачи, эти жанры и жанровые разновидности включаются в „общий хор“ литературного процесса в разное время и „звучат“ в нем не „в унисон“ и не все время.

И, наконец, следует учитывать, что проблемы периодизации истории русской советской литературы тесно связаны с проблемами развития литератур народов СССР. В национальных литературах имеются свои особые вехи и поворотные пункты; далеко не идентичны этапы становления метода социалистического реализма в каждой из них; постепенно росли и крепили взаимосвязи и взаимодействия между ними, и это все должно в полной мере учитываться. Если в 20—30-е годы некоторые национальные литературы, отражая общие тенденции развития советской литературы, в значительной мере еще были поглощены решением специфических проблем становления собственных литератур, то в 40—60-е годы, нисколько не теряя своей национальной специфики, литературы народов СССР все больше входили в общий ритм и общие творческие проблемы единой многонациональной советской литературы, как составной части складывающейся мировой социалистической литературы.

* * *

Остановлюсь отдельно на сложном вопросе о периодизации литературы послевоенных десятилетий.

В критике уже не раз затрагивался этот вопрос, причем в его решении можно отметить заметную эволюцию.

Вначале, примерно до середины 50-х годов, литература послевоенных лет рассматривалась обычно как единый период, что было вполне объяснимо: со времени окончания войны прошло немного времени.

В середине 50-х годов критики заговорили о новом этапе в развитии литературы. Обычно его обозначали неопределенно: „Литература на современном этапе“. Точкой отсчета становился или 1953 год, год смерти И. В. Сталина, или 1956 год, когда состоялся XX съезд КПСС и было опубликовано постановление ЦК КПСС, заключавшее критику культа личности, указывавшее пути преодоления его последствий, или любой другой год между 1953 и 1956 годами.

Во второй половине 50-х годов послевоенное десятилетие зачастую оценивалось как ущербное, не давшее серьезных завоеваний, как время отхода от лучших традиций советской литературы. Говорили о периоде „простоя“, об „издержках художественного развития“ и даже о „кризисе“. Причина — культ личности.

Но с течением времени, в 60-е годы, эта крайность в суждениях постепенно исчезала, ибо трудно было отрицать факты: появление в эту пору ряда значительных произведений о Великой Отечественной войне, эпических романов и повестей о прошлом; нельзя было не замечать и ярких достижений поэзии. Хотя вместе с тем нельзя и отрицать реально появившиеся недостатки в развитии литературы — например, идеализаторские тенденции, снижение реалистических критериев, своеобразный техницизм и преувеличение роли профессионально-производственного фактора в формировании личности.

К литературе послевоенных лет следует подойти как к явлению сложному, противоречивому, многообразному, — и вместе с тем развивавшемуся органически, выроставшему на почве выработанных художественных традиций социалистического реализма 30—40-х годов. Основная закономерность пробивала себе путь через случайности, временные отклонения от главного пути, преодолевала негативные тенденции, идя порою, так сказать, против „поветрия“, против утверждавшихся в выступлениях ряда критиков той поры сомнительных эстетических „норм“.

Как развивалась литература, с точки зрения критики, в 50-е годы? В чем состоял „новый этап“ в развитии литературы послевоенных лет?

Первоначально, во второй половине 50-х и в начале 60-х годов, мысль ряда критиков пошла по пути возвеличения и абсолютизации в литературе так называемого „критического направления“, противопоставившего отдельным идеализаторским тенденциям и неудачным образам положительных героев недавнего прошлого совершенно ошибочный тезис о критичности как основном пафосе социалистического реализма.

Сторонники этого направления утверждали, что основные задачи современной литературы заключаются в критике прошлого („культ“) и настоящего (пережитки и последствия „культа“). Они видели стремницу литературного потока в появлении таких произведений, как *Оттепель* И. Эренбурга, *Не хлебом единым* В. Дудинцева, *Июль 41 года* Г. Бакланова и др.

Но наряду с этими крайними, субъективистскими высказываниями в критике 50-х—60-х годов были выражены и более объективные суждения. Смысл нового этапа в развитии советской литературы усматривался в „сближении литературы с жизнью“, в повороте писателей к изображению „рядового советского человека“, в выходе литераторов „на передний край наступления на старое“. Подчеркивались обращения писателей „к наиболее важным и насущным проблемам времени“, повышение их гражданской активности, „рост гуманистического пафоса“, развитие аналитического художественного исследования действительности, преодоление тенденций бесконфликтности и иллюстративности, шаблона и унифицированности.⁷⁾

Безусловно, в этих суждениях заключена доля истины. Однако они звучат слишком общо, не „схватывают“ всего своеобразия литературы на новом этапе. Ведь перечисленные выше тенденции и признаки давно уже утвердились в той или иной степени в советской художественной классике 30—40-х годов. Так что в этом случае речь должна была бы пойти о том, как именно продолжены и модифицированы эти тенденции в литературе 50-х—60-х годов.

Ближе к истине, на мой взгляд, были те критики, которые увидели новизну литературы 50-х годов в преодолении бытовавших догматических воззрений недавнего прошлого, в более исследовательном, творческом применении писателями ленинских принципов изучения новой действительности, в дальнейшем развитии утвердившихся в советской литературе традиций партийности и народности, принципов социалистического реализма, смелом раскрытии современных жизненных конфликтов, противоречий, глубоком анализе обогащенного и усложнившегося духовного мира современника, в более точном, в свете накопленного исторического опыта, осмыслении пути, пройденного народом за годы революции.

Каковы временные границы нового этапа в развитии послевоенной литературы?

С моей точки зрения, правильный подход к этому вопросу наметили В. Озеров и А. Дементьев.

В. Озеров в своей книге статей, изданной к 50-летию Октября, рассматривает литературу 50-х годов как литературу единого дыхания, единого периода, с присущими ему общими идейно-художественными тенденциями. Свои размышления об очерках Овечкина начала 50-х

годов и романа *Русский лес* критик объединяет с анализом *Дневных звезд* О. Берггольц и других произведений конца 50-х годов.⁸⁾

По мнению А. Дементьева, „некоторые предвестия перемен, назревавших в литературе, возникли еще до 1956 года и даже до 1953 года. Так, *Русский лес* Л. Леонова — произведение, появившееся как будто в наши дни (так современна трактовка писателем конфликта между Вихровым и Грацианским), — был написан в годы 1950—1953. Так, очерки Овечкина *Районные будни* и *В одном колхозе*, от которых многие критики ведут начало литературы последних лет, были напечатаны еще в 1952 году. Даже борьба с бесконфликтностью началась в 1952 году... Напомним, что уже в это время М. Шолохов в работал над второй книгой *Поднятой целины*, а А. Твардовский — над поэмой *За далью — даль*.⁹⁾ Правда, А. Дементьев не решился противопоставить свою точку зрения бытовавшим в первой половине 60-х годов воззрениям. Он говорит о крупнейших произведениях 50-х годов лишь как о „предвестиях перемен“, а не о начале перемен.

Как конкретно я представляю себе более мелкую, дробную периодизацию литературы послевоенных десятилетий? Первые послевоенные годы (вторая половина 40-х годов) на мой взгляд, можно рассматривать как переходный период, совмещающий в себе черты литературы военных лет и новые приметы литературы мирного времени (память о войне, человек в условиях мира и т. д.). Начало широкого поворота послевоенной литературы к новым темам и проблемам, к более глубокому и всестороннему аналитическому и критическому исследованию общественной жизни, ее противоречий, духовного мира современника в целях отыскания новых источников движения вперед, к более широкому историческому осмыслению движения страны, путей построения развитого социалистического общества следует отнести к рубежу 40-х и 50-х годов: именно в это время задумывались и осуществлялись замыслы крупнейших произведений, во многом определивших пути развития литературы в дальнейшем, — романы Л. Леонова *Русский лес* (1953) и В. Кочетова *Журбины* (1952), цикл деревенских очерков Овечкина (1952), поэма А. Твардовского *За далью — даль*. Эта основная тенденция в дальнейшем находит продолжение в *Битве в пути* (1957) Г. Николаевой, в *Судьбе человека* М. Шолохова, в повестях В. Кожевникова (*Знакомьтесь, Балуев*, 1960), С. Сартакова, В. Солоухина, пьесах Н. Погодина и А. Арбузова и других произведениях. 50-е годы предстают как внутренне единый этап истории советской литературы, возвестивший новые идейно-художественные тенденции.

Означает ли это, что критика „культы личности“ не сыграла роли в развитии литературы? Разумеется, нет. Преодоление догматизма, творческое развитие теории на основе ленинского наследия, многообразные практические мероприятия партии по дальнейшему строительству разви-

того социалистического общества оказали большое влияние на развитие литературы. Партия поддерживала все действительно новое в литературе, в партийных решениях 40—50-х годов разработана широкая программа развития искусства социалистического реализма на новом историческом этапе.

Литература 50-х годов подготовила качественный рост советской литературы следующего десятилетия — 60-х годов, периода завершения строительства развитого социалистического общества. Аналитическое исследование действительности в социально-экономическом, нравственном и в других аспектах дополняется в 60-е годы опытами синтетического изображения современности, многоаспектного соотнесения настоящего с прошлым, обстоятельного рассмотрения истории советского общества, прогнозирования будущего.¹⁰⁾

Развитие литературы проявлялось не только в постепенном развитии зародившихся тенденций, но и сложным путем движения по „спирали“: то, что начиналось в первые послевоенные годы, затем подвергалось отрицанию и потом, на новом уровне, в более широком плане получало дальнейшее развитие. Так обстояло дело с проблемой романтизма (дискуссия о романтизме и реализме в конце 40-х годов — возрождение интереса к проблеме романтизма в 60—70-е годы), с производственной темой („производственный“ роман в 40-х—первой половине 50-х годов — тема рабочего класса в конце 60-х—начале 70-х годов) и т. д.

Конкретное изучение литературного процесса 40—70-х годов позволит точнее выявить „волны“ расцвета жанров, периода несовпадения этапов развития прозы и поэзии и т. п.

Самым трудным, как всегда, является определение качественных сдвигов в литературе на современном этапе, т. е. в начале 70-х годов. Общими усилиями критиков и литературоведов должна решаться и эта задача.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ А. И. Белецкий, *Проблема периодизации литературного процесса*. Изд-во Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко, 1955, 3.

²⁾ См. об этом: Б. Г. Рейзов, *Вопросы периодологии в истории литературы*. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969, № 3, 93.

³⁾ Там же, 94.

⁴⁾ А. Бутенко, *О развитии социалистическом обществе*. „Коммунист“, 1972, № 6, 52—53. — Термины „развитый“, „зрелый“ социализм встречаем в трудах В. И. Ленина (см. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 36, 139; т. 40, 104).

⁵⁾ А. В. Луначарский, *Статьи о советской литературе*. Учпедгиз, М. 1958, 185.

⁶⁾ В программе КПСС, принятой на XXII съезде партии (1962 г.), есть специальный раздел: „Повышение воспитательной роли литературы и искусства“.

⁷⁾ См., например, труды: *История украинской советской литературы*. „Наукова думка“, Киев 1965, 458, 489; А. О. Богуславский, В. А. Диев, *Русская советская драматургия. Основные проблемы развития. 1946—1966*. „Наука“, М. 1968, 65; И. Гринберг, *Пути советской поэзии*. „Художественная литература“, М. 1968, 278.

⁸⁾ В. Озеров, *Полвека советской литературы*. Литературно-критические очерки. „Советский писатель“, М. 1967, 400 и сл.

⁹⁾ А. Дементьев, *На новом этапе*. Статьи о литературе. „Советский писатель“, М. 1965, 6—7.

¹⁰⁾ Характеристику этого десятилетия см. в книге В. Панкова, *Воспитание гражданина. Советская литература, годы шестидесятые*. Изд. второе. „Художественная литература“, М. 1969.